

НА СОИСКАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РСФСР

Расул Гамзатов, «Берегите матерей!». Поэма. Перевод с аварского Юлии Нейман. Издательство «Детская литература». 1978. 112 стр. 65 коп.

В СБОРНИКЕ «Песни гор» (1949 год), больше похожем на записную книжку и по малому формату, и по небольшому тиражу, и по скромной обложке, Расул Гамзатов как бы пунктирно наметил свои основные творческие линии, которые он в дальнейшем развивал: верность родной земле, преклонение перед опытом отца, песня во славу любви... Была и еще одна, тихая и незаметная на первый взгляд мелодия — сыновнее чувство к матери, к единственному и самому родному человеку. Постепенно иные темы развивались, дополнялись, имели свое отвлечение, в чем-то переосмыслились, лишь стихи о матери выкристаллизовывались в единую, с годами выношенную вещь. «Поэт, если только речь идет о подлинном поэте, — писал А. Твардовский, — далеко не так волен в своих темах и мотивах, как это иным кажется, и он бывает органически не в состоянии спеть ту песню, которую подсказывают ему извне, не закончив той, что необходимо должна быть спета». Значению поэмы Расула Гамзатова «Берегите матерей!» в соотношении с его новыми книгами и посвященными этим заметки.

В одной из своих статей автор «Моего Дагестана» интересно подметил: «Читатели восприняли мою новую поэму (речь идет о поэме «Берегите матерей!». — В. Д.) не только как факт литературы, сколько как факт жизни...». И действительно, ни одна из книг аварского поэта последних лет не вызвала такого читательского внимания, интереса и, можно сказать, душевной отзывчивости, как его поэма о

жали многоязыкий народ в своем единстве. Нелегкую жизнь спланивала память человека, вершившая свой суд над каждым горцем.

И сколько мы найдем примеров в книгах Гамзатова, когда он размышляет о непреходящей ценности родительского очага,

то или живописание Хаджи Мурата, стихи Гамзатова меркнут, теряют привкус самобытности.

Так что же, могут спросить, поэту недоступны иные темы, иной кругозор? В том-то и дело, что, чувствуя за собой надежный тыл, так сказать, связанный с ним системой ходов и комму-

Тем удивительнее та истинная молодая творческая одержимость, с которой Гамзатов сейчас работает. Дописывается третья книга «Моего Дагестана», задуманы четвертая и пятая... Переведены на аварский язык стихи Блока. В работе сборник «Эпиграммы». Пишется книга с несколько необычным названием (правда, условным) — «Радио и телевидение». Есть замысел собрать горские сказания. Издать отдельные дарственные надписи на книгах. Подготовить «Книгу жалоб и предложений»... Наверно, и это не все. Не говоря уж об общественной деятельности поэта, его посильной помощи землякам.

Отсюда рождается и то значение, которое приобретает в наши дни творчество Гамзатова. «Глашатай Дагестана», он стал всенародным поэтом. И здесь нет никакого противоречия, потому что рождение таланта в аварском ауле, его взлет лучше всего доказывают те объективные изменения, которые произошли и стали возможны в нашей стране.

Почти столетие русская литература воспевала Кавказ. Бессмертные строки Пушкина и Лермонтова, поэзия Полежаева, проза Льва Толстого и Бестужева-Марлинского... Выразила Кавказ иная традиция — безвестные певцы, песни Батырая, Шази, Махмуда... Лишь в наше время эти две полноводные реки слились, дав исток поэзии Расула Гамзатова.

В творчестве аварского поэта есть и еще одна незримая на первый взгляд стихия. Есть в его характере, чувствуется в его поэзии Сохранный Прометеем у Кавказских гор, пронесенный через вестовые костры на вершинах к негасимому пламени домашних очагов, мерцает и в его стихах тот огонь правды, чести, совести, который выден издалека.

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ

ФАКТ НАШЕЙ ЖИЗНИ

матери. Значит ли это, что в этом произведении Расул Гамзатов достиг невиданной прежде для себя высоты, что оно означает какой-то новый рубеж или перевал в его творчестве? Однозначно здесь ответить нельзя, хотя мне кажется, что и в поэме «Берегите матерей!», и в других своих лучших книгах Гамзатов продолжает едва ли не главную, животворную свою тему — тему утверждения существа жизни. И, вероятно, есть у читателей именно сегодня потребность заново осветить в себе некоторые вечные истины, дающие, по слову великого русского поэта, «самостоянье человека, залог величия его».

Не раскладывая по темам (ибо они постоянно соприкасаются, переходят из одной в другую), все-таки попытаемся выделить то основное, чем питается поэзия Расула Гамзатова. Твердые, устоявшиеся понятия и нравственные максимы определяют ее — Земля, Отец, Дом, Мать, Поэзия, Друзья... И для каждого из них предназначена своя истовая защита, утверждение и словом, и делом. Поэт не открывает вроде бы нового, но уже в его напоминании, в россыпи присказок и калейдоскопе речений содержится мудрость познания, так близко стоящая к вековой мудрости народного опыта.

Об этой близости говорит и факт существования в Дагестане хранилища традиций и обычаев. Нет, не религия, не адаты дер-

материнской любви, отцовского долга, семейной верности, сколько мы встретим примеров того, что «случилось в Хунзахе» или «произошло в Гочатле», то есть примеров не дидактической или морализаторской проповеди, а реальных жизненных фактов, очерпнутых из единственно верного источника — родного народа. Стилизовать здесь невозможно, ибо настолько притягательна сила фактической жизненной правды, воплощенная в стихах Расула Гамзатова, что любая подделка, эдакий приукрашенный дагестанский мир был бы слабее и мертв.

Вспомню здесь к случаю, как однажды мне довелось слышать в одном из высокогорных районов настоящую народную песню. Вернее, я ее случайно подслушал, уйдя с разудалой и гомонливой свадьбы. Еще стояли в ушах мотив зурны и дробь барабана, как вдруг они отделились, исчезли совсем, их вытеснила стройная и суровая песня, доносившаяся из высокого окна. Она не звучала руладами, не выделяла экзотические кавказские колелца, а была внутренне соразмерна и давнему прошлому, откуда, вероятно, пришла, и стоящим вокруг голым скалам, и характеру тех, кто ее просто и вдохновенно пел.

За внешним многоречием в творчестве Гамзатова всегда можно угадать народную эстетическую систему. Она стала органичной в его поэзии, ибо без «фона», будь то хунзахское пла-

никаций, Гамзатов все смелее вторгается, даже переходит в наступление и отвоювает новые для себя темы, образы, даже язык стиха. Свидетельство тому — поэма «Последняя цена», где прием иносказания способствует с открытой проповедью, неоднозначность смысла — с ясной авторской идеей, а пафос отстаивания ценности человеческого существования — с напоминанием равенности людей в современном мире. В поэме Гамзатов как бы выходит за пределы не только Дагестана, не только родной страны, но и раздвигает мировые границы, обращаясь к человеку вообще, к его прошлому и будущему. Он не оставляет за ним права выбора, не призывает к неким абстрактным идеалам и целям, оторванным от всего и вся, а утверждает их неразменность, их объективность, их устойчивость.

Говоря об устойчивости, необходимо заметить, что одна из тем поэзии Гамзатова, постоянная и сокрытая в любом стихе, даже не тема, а внутреннее наполнение его лирики — это любовь. И материнская, и земная, и возвышенная, и сыновняя, и отцовская... В книге «Суди меня по кодексу любви» впервые отобраны стихи, показывающие, что вечное чувство пронизывает все творчество Гамзатова и чем оно зреее, тем неторопливее, как-то интимнее, ближе к душе нашей. Умудреннее раздумья, размышления